

Участие Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах

Творческое и публицистическое наследие мыслителя, культуролога и социолога Н.Я. Данилевского и публициста и издателя М.Н. Каткова – выдающихся представителей консервативной идеологии последней трети XIX века – сегодня активно переосмысливается в контексте сложившейся геополитической ситуации и поиска нового места России в мире. В настоящей статье анализируется участие Н.Я. Данилевского в издаваемых Катковым журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости» – наиболее влиятельных и авторитетных консервативных органах российской печати 1860–1880-х годов. Сопоставление позиции ученого и журналиста по ряду важных вопросов внешней и внутренней политики Российской империи позволяет получить более четкие представления об их общественно-политических взглядах, уточнить процессы формирования разнообразных течений и идейных платформ русской общественной мысли в конце XIX века.

М.Н. Катков и Н.Я. Данилевский принадлежали к одному поколению российской интеллигенции, чьи философские и общественно-политические взгляды формировались во второй половине 1830-х – начале 1840-х годов, в период увлечения образованной молодежи европейской наукой, в первую очередь немецкой идеалистической философией и французскими социалистическими учениями. Они оба получили фундаментальное гуманитарное образование: Данилевский окончил Царскосельский лицей, где традиционно в большом объеме преподавались социально-политические и гуманитарные дисциплины, Катков учился на словесном отделении Московского университета, где был членом философского кружка Н.В. Станкевича и на почве интереса к эстетике Г. Гегеля тесно сблизился с В.Г. Белинским. Поступив по окончании лицея на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, Данилевский одновременно с естествоведением продолжал изучать историю, политическую экономию, социологию, интересовался вопросами общественного устройства. Катков для усовершенствования образования на два года уехал в Германию, где прослушал курс лекций Ф. Шеллинга и усиленно занимался философией.

Любопытно, что и Данилевский, и Катков свои первые шаги в журналистике сделали в одном и том же издании, лишь с разницей в несколько лет: в 1840-х годах они оба сотрудничали с «Отечественными записками» А.А. Краевского – на тот момент лучшим журналом среди отечественных «толстых» ежемесячников. Катков, хотя его литературный дебют состоялся еще в 1838 году в журнале «Московский наблюдатель», был обязан «Запискам» своим первым серьезным опытом журналистской и редакторской работы. С конца 1830-х годов он писал в этот журнал статьи и библиографические заметки, занимался перевода-

Перевалова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненашева Московского политехнического университета.
E-mail: helenpv@yandex.ru

ми, исполнял разного рода черновую редакционную работу и быстро стал одним из основных сотрудников издания, так что В.Г. Белинский – идеолог и ведущий критик «Отечественных записок» начала 1840-х годов, признавался, что они «издаются трудами трех только человек – Краевского, Каткова и меня» [4, с. 557]. Вклад Данилевского в журнал Краевского был намного скромнее: будучи студентом Петербургского университета, он в 1843 году опубликовал в нем «Письмо в редакцию» – о повести О.И. Сенковского (барона Бромбеуса) «Падение Ширванского царства», а в 1848 году – две статьи, посвященные французскому биологу А. Дютроше и немецкому естествоиспытателю А. Гумбольдту и отражавшие взгляды начинающего ученого на принципы ведения научных исследований и изложение их результатов. Факт сотрудничества с либерально-западническими «Отечественными записками», направление которых отражало развитие прогрессивной общественной мысли России и идейные искания передовой образованной интеллигенции, весьма показателен для характеристики как Данилевского, так и Каткова, и свидетельствует о единстве их духовных запросов и близости мировосприятия.

Перед каждым из молодых ученых открывалось широкое поприще научной деятельности, однако судьба рассудила иначе. Данилевский, увлекшись научным социализмом, в первую очередь социалистической системой Ш. Фурье, начал посещать «пятницы» М.В. Петрашевского, что стало причиной его ареста в 1849 году и почти четырехмесячного заключения в Петропавловской крепости. И хотя ему удалось доказать свою непричастность к пропаганде революционных учений, он был выслан из столицы в административную ссылку в Вологду, где несколько лет прослужил в канцелярии вологодского губернатора, затем был переведен в Самару, откуда в 1864 году переехал на Южный берег Крыма. Все это время Данилевский продолжал заниматься научными изысканиями, широта которых свидетельствует об универсальности его научных интересов. Он профессионально изучал водные ресурсы и рыболовные промыслы Российской империи, принял участие в нескольких крупных научных экспедициях, изъездил весь юг России, Урал, берега Ледовитого океана, написал несколько трудов естественнонаучной направленности и даже в 1866 году был награжден золотой медалью Русского географического общества. Результатом его общественно-политических трудов стала теория культурно-исторических типов, явившаяся продолжением славянофильских концепций первой половины XIX века и придавшая им новый импульс.

М.Н. Каткова, казалось бы, ожидала классическая ученая карьера: в 1845 году он защитил диссертацию и приступил к чтению лекции по истории философии и логике в Московском университете, что открывало перед ним хорошие перспективы для дальнейшей исследовательской и научной работы. Его участие в печати, по всей вероятности, свелось бы к публикации сугубо научных статей, однако обстоятельства вскоре лишили молодого ученого возможности продолжать преподавание (после революционных событий 1848 года в Европе во всех российских университетах по высочайшему распоряжению в 1850 году были закрыты кафедры философии), и он был вынужден вновь вернуться к издательской деятельности и журналистике. В 1851–1855 годах Катков с успехом исполнял должность «редактора на жалованьи» университетских «Московских ведомостей», тираж которых сумел увеличить за эти годы более чем вдвое, хотя при этом весьма тяготился постоянной финансовой зависимостью от Правления Московского университета и руководства университетской типографии, регламентировавших каждый его шаг. Приобретенный опыт позволил ему с 1856 года вместе с профессором П.М. Леонтьевым приступить к изданию собственного литературного и общественно-политического журнала «Русский вестник», который быстро занял место в ряду лучших «толстых» отечественных ежемесячников и успешно выдерживал конкуренцию с «Современником» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева и «Отечественными записками» А.А. Краевского. С 1863 года, приобретя на правах

аренды у Московского университета «Московские ведомости» и университетскую типографию и став наконец их полновластным хозяином, Катков превратился в одного из самых влиятельных издателей и журналистов своего времени. Кульминацией его журналистской карьеры стали 1880-е годы, когда в нем видели едва ли не «серого кардинала» императора Александра III, «подспудного премьера» [2, с. 445] и приписывали огромную власть и влияние на ход государственных дел. Газета «Московские ведомости» считалась «опорой правительства» [34, л. 35] и воспринималась как едва ли не самая влиятельная сила в государстве, управляющая принятием решений в наиболее существенных областях его деятельности. Современники называли ее «инспекцией всероссийской службы» [25, с. 36] и видели в ней «...своего рода департамент, в котором обсуждались и подготавливались к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике» [14, с. 14].

Идейная эволюция Каткова шла от умеренного либерализма в 1850-х годах к консерватизму в 1880-х, и в глазах современников он с годами стал одним из символов охранительной идеологии. Не отрицая назревшую в России необходимость преобразований, он в качестве фундамента прогрессивного развития страны отстаивал принцип «разумного консерватизма», под которым подразумевал сохранение незыблемых самодержавных и православных основ российской государственности и объединение всех сословий вокруг общего дела – сохранения единой и великой России. Публицист последовательно и системно проводил мысль о том, что лучше идти путем мирных, «постепенных и рациональных» изменений на «незыблемых основах законности и порядка» в рамках единоличной власти монарха, связывая будущее России исключительно с самодержавной формой правления. В своих передовых статьях в «Московских ведомостях» он неуклонно утверждал идею о «совершенной общности» интересов монарха «с государственной пользой и благом народным» [22] и, несмотря на усиление протестных настроений среди интеллигенции и появление тайных революционных организаций, сохранял уверенность, что России не грозят политические смуты и революции, так как любые революционные устремления изначально чужды русскому народу, признающему самодержавную власть бесспорной и священной.

Современными исследователями отмечается близость идейных установок консерваторов последней трети XIX века с мировоззрением Данилевского, отразившим «переходный этап от позиции почвенников к политическому реализму второй половины XIX века», среди представителей которого называются прежде всего М.Н. Катков и публицисты его круга [1]. Однако появление труда «Россия и Европа» в 1869 году в петербургском журнале «Заря» В.В. Кашпирева не вызвало каких-либо сочувственных откликов в консервативных московских изданиях. В «Русском вестнике» была помещена лишь небольшая «Литературная заметка» историка П.К. Щебальского, который, кратко изложив теорию культурно-исторических типов, выразил категорическое несогласие с выдвинутой Данилевским идеей смены одних типов другими, весьма иронично заметив, что автор «построил обширное здание на острие булавки» [16, с. 358]. При этом каких-либо убедительных контраргументов Щебальский не привел, словно бы сочтя однозначно бесспорной несостоятельность теории Данилевского, и ограничился лишь замечанием, что «преемственность культуры в жизни человечества еще очевиднее, чем в жизни отдельных людей» [16, с. 361]. Признав, однако, что статья «в своих подробностях заслуживает внимания и уважения», историк остановился на выдвинутой Данилевским идее величия славянского мира и последующего развития умственной культуры славянских народов вслед за грядущим в недалеком будущем упадком Европы. Но и здесь он отнесся весьма скептически к предположению Данилевского об особом историческом предназначении славянского историко-культурного типа, заметив, что «славянский мир явится во главе умственного движения, но это случится лишь тогда, когда мы овладеем современной культурой, когда просвещение проникнет толщу русского народа, когда на русской почве составит слой солидной образованности,

на который только и могут расти кедры умственного царства». Отрицая саму возможность выработать особую, славянскую, «свою [подчеркивание автора – Е.П.] культуру», автор «Русского вестника» настойчиво утверждал, что «ныне культура одна для всех <...> в основаниях своих единая» [16, с. 361–362].

Друг и горячий поклонник таланта Данилевского – литературный критик, философ и публицист Н.Н. Страхов – тщетно пытался вызвать П.К. Щербальского на продолжение полемики, опубликовав в «Заре» комментарий «"Русский вестник" о статье "Россия и Европа"», где подчеркивал новизну и оригинальность выводов труда мыслителя, указывал на содержащуюся в нем «новую, более точную формулировку» «вопросов, давно и глубоко интересующих каждого истинно русского человека» и их решения» [27].

Спустя несколько лет другой постоянный автор «Русского вестника» – публицист и экономист В.П. Безобразов в обширном исследовании «Война и революция. Очерки нашего времени» (1873–1874) вновь признал труд Данилевского заслуживающим глубокого внимания и уважения, отмечал, что в сочинении «Россия и Европа» «славянофильские или лучше панславистские воззрения получили, благодаря разнообразной учености и талантливости автора, новые и весьма оригинальные для себя основания» [3, с. 174], однако каких-либо серьезных попыток его анализа все же не предпринял. Решительно заявив, что «с общими выводами этой книги мы всего менее можем быть согласны» [3, с. 174], Безобразов указал на ошибочность, по его мнению, взглядов Данилевского и несоответствие теории культурно-исторических типов реальной действительности. Мысль об особом, отличном от европейского типе славянской цивилизации он оценивал как несостоятельную и писал, что она основана не столько на фактах, сколько «на гадательном истолковании смысла нынешней европейской цивилизации по отношению к будущим, самым отдаленным судьбам всемирной истории» [3, с. 175–176]. Публицист «Русского вестника» настоятельно подчеркивал, что «в настоящем и ближайшем будущем Россия принадлежит к одной и той же системе государств со всеми западноевропейскими народами; она развивается пока те же самые начала, как и Западная Европа», и на ней «не могут не отразиться все события и движения нашего времени» [3, с. 176]. Исходя из сходства основных начал исторического быта России с западноевропейским, он делал вывод о принадлежности России к той же исторической культурной группе, что и все остальные европейские народы и невозможности ее обособления от европейского исторического развития: «Даже в политическом отношении нельзя обособлять Россию от Западной Европы, а должно признать, что обе они идут одной и той же дорогой» [3, с. 182].

Столь скромная оценка труда Данилевского публицистами «Русского вестника» не была случайностью: журнал Каткова с первых лет основания тяготел к западничеству, в нем постоянно делались отсылки к западноевропейской практике, особенно к опыту Англии, в социально-экономической и культурной жизни которой его авторы видели лучший образец для подражания, и потому сама мысль о какой-либо обособленности и уникальности славянской культуры, особой исторической миссии славянских народов в процессе «ниспровержения европейской цивилизации» была чужда программе издания и вряд ли могла вызвать в нем сочувствие и одобрение.

«Славянский», или «восточный», то есть вопрос о взаимоотношениях России с другими населяющими Европу славянскими народами продолжал активно дискутироваться на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в конце 1860-х и на протяжении 1870-х годов в связи с обострением событий на Балканах и набирающим силу движением панславизма, усиливающейся борьбой славянских народов за политическое возрождение и национальную независимость. Но если автор «России и Европы» последовательно проводил идеи политического панславизма и считал необходимым политическое объединение всех славянских племен в Славянскую федерацию во главе с императором всероссийским

и со столицей в Константинополе, то публицисты «Русского вестника» и «Московских ведомостей» рассматривали панславизм исключительно как культурное движение, отражающее объективные устремления славянских народов к объединению, аналогичные таким же стремлениям других европейских народов. «Я говорю не о единстве государственном, но об единстве умственном, – писал один из ведущих публицистов журнала П.К. Щербальский. – В этом отношении между всеми славянскими племенами должно произойти то, что происходило везде при образовании великих умственных центров и великих органов мысли» [37]. В публикациях Е.М. Феоктистова, П.К. Щербальского, К.Н. Леонтьева настойчиво проводилась мысль о единстве славян на основе национально-культурной общности, в которой России отводилась роль оплота православия и объединительного, но отнюдь не политического центра, тогда как, по мнению Данилевского, для сплочения славянских народов в единый славянский мир недостаточно лишь культурного взаимодействия и необходим межславянский политический союз. Историки Е.М. Феоктистов и П.К. Щербальский неоднократно писали о необходимости выработки «вполне сознательной национальной политики», исходящей из интересов России и «единокровных и единоверных» славянских народов [33], но при этом они отрицали какие бы то ни было притязания России на политическое господство. «Ни один здравомыслящий русский не может желать бесконечного растяжения своей государственной территории и увеличения разнообразия в этнографическом разнообразии своего отечества», – писал, в частности, П.К. Щербальский в связи с распространенным в Европе мнением о панславизме как об антизападном «нашествии варваров» [38, с. 148]. К.Н. Леонтьев полагал, что объединение славян в одно государство стало бы «кануном разложения России», и «русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев», на основе чего делал вывод, что «государственное всеславянство может быть куплено только ослаблением русского единого государства» [12]. Сам Катков на вопрос: «Нужно ли России вводить в состав освободившиеся славянские народы?» – отвечал, что «России нужно не расширение своей территории и даже не приращение своего населения; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но не на одной почве. <...> единство между ними не должно быть государственное, а являться выражением только их племенной связи, еще сохранившей свою жизненность» [17]. Словом, в отличие от Данилевского, ни сам Катков, ни его авторы, не видели необходимости в политическом союзе России со славянскими православными народами, что становилось существенным препятствием для сближения ученого с редакцией авторитетных московских изданий.

Столь существенная разница в решении вопроса о путях дальнейшего исторического развития России и Европы и ее взаимоотношений с остальным славянским миром сделала невозможным участие Данилевского в изданиях Каткова в 1860–1870-х годах: последний допускал лишь те публикации, основные положения которых согласовывались с его собственными воззрениями и не имели существенных расхождений с программой издаваемых им газеты и журнала. Сотрудничество литераторов, ученых, общественных деятелей, не разделяющих заявленную редактором точку зрения, было невозможно. Однако военные действия 1876–1878 годов на Балканском полуострове, от исхода которых зависело будущее соотношение сил в Европе, а также связанный с этими действиями патриотический подъем в России способствовали, как можно предположить, возникновению большего понимания между мыслителем и влиятельным московским журналистом, так как, несмотря на разницу в подходах к «восточному вопросу», их взгляды на события на юго-востоке Европы и роль в них России имели, скорее, больше общего, нежели отличного. В оценке ситуации на Балканах, которые в указанные годы стали сосредоточением интересов почти всех крупных европейских держав, и Данилевский, и Катков руководствовались в первую очередь национальными интересами и соображениями государственной

пользы. Оба публициста активно включились в ожесточенное информационное противостояние российской и западноевропейской прессы, неуклонно проводя в своих выступлениях мысль, что основная задача и обязанность России заключается в том, чтобы стать лидером и опорой славянского движения, возглавив борьбу балканских славян за независимость.

«Московские ведомости» Каткова, будучи одним из самых влиятельных изданий России и Европы, играли в противостоянии с европейской, в первую очередь проправительственной английской и австрийской прессой, едва ли не ключевую роль, отражая точку зрения значительной части политического истеблишмента России. Они настойчиво внушали своим читателям мысль о кровном братстве и единстве интересов славянских народов и неотступно призывали к немедленному оказанию им помощи. Газета решительно настаивала на том, что российской дипломатии необходимо немедленно отказаться от «политики уступок и мира» по отношению к «концерту европейских держав» и следовать жесткой «политике ультиматума», подобной той, которой она придерживалась в 1863 году во время восстания в Польше и которая позволила избежать постороннего вмешательства в русско-польский конфликт. В передовых статьях звучали призывы к решительным действиям: «Нет, нам нечего озираться по сторонам, нечего опасаться коалиции. Политическое положение благоприятствует нам, если только мы сами не испортим его. Нам стоит только фактически показать, что угрозы нас не пугают, и они сразу умолкнут. К решительному противнику придираться труднее, чем к тому, кто колеблется. Государственная физика учит, что не слабостью и податливостью государства обеспечивают себе мир, а решимостью и готовностью принять любой вызов. Даже малое государство внушает уважение к себе твердостью и готовностью к отпору», – писали «Московские ведомости» в канун заключения Сан-Стефанского мира [18].

Катков и Данилевский были солидарны в понимании опасности, исходящей от коалиции самых могущественных на тот момент европейских держав – Австро-Венгрии и Великобритании, которые отнюдь не стремились к укреплению роли России на Балканском полуострове, свидетельством чему стал пересмотр итогов Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе летом 1878 года. Принятые в Берлине решения продемонстрировали антироссийский характер политики правительств европейских государств, в том числе и Германии, канцлер которой О. фон Бисмарк объявил себя нейтральным посредником на переговорах, но на деле поддержал требования английской и австрийской делегаций и вынудил Россию принять большую их часть. В опубликованных в петербургских изданиях «Русский мир» и «Русская речь» циклах статей «Война за Болгарию» и «Горе победителям» Данилевский подчеркивал, что ситуация вокруг Балкан и в первую очередь решения Берлинского конгресса подтверждают тезис о противостоянии германо-романского и славянского культурно-исторических типов и о враждебности интересов Западной Европы интересам России. Эти заявления ученого были близки по смыслу передовицам Каткова этого же периода в «Московских ведомостях», в каждой строчке которых сквозила мысль, что геополитические интересы большинства европейских стран враждебны России. Публицист с горечью писал о современном международном положении России, которая, победив в войне, тем не менее проиграла дипломатическую кампанию, так как связала себя вредной политикой «так называемой солидарности» с Европой. В унижительных для России решениях Берлинского конгресса Катков, как и Данилевский, видел смертельную обиду и кровное оскорбление, нанесенное европейскими державами России, оплатившей своей кровью свободу балканских славян: «Мы присутствуем при неслыханном в истории обмане громадных размеров, – негодовали «Московские ведомости» после подписания соглашений в Берлине. – Чему более удивляться, грубости ли средств, употребленных в

дело, или расчетам главных виновников обмана на его окончательный успех? Сколько бы ни пришлось нам испытать горьких оскорблений, обман падет окончательно все-таки на голову своих виновников...» [19].

Близость позиций Данилевского и Каткова по вопросам внешней политики России сохранялась и после завершения Берлинского конгресса, когда геополитическое положение России существенно изменилось в худшую сторону вследствие утверждения прав Австро-Венгрии сначала в Сербии, а затем и в Болгарии, вытеснения России с Балкан и разрыва ее отношений с Болгарией. Оба публициста были убеждены, что в изменившейся ситуации наиболее приемлемым союзником России в Европе может стать Франция, где после поражения Парижской коммуны утвердилась власть Третьей республики. По мнению Данилевского, союз с Францией уравнивает геополитическую ситуацию в Европе и создаст преграду на пути набирающей силы объединенной Германии. «Усилившаяся Германия, – писал он, – непременно выкажет со всею яростью и очевидностью противоположность политических целей и стремлений немецких и русских, и Россия вынуждена будет выступить на защиту самых существенных своих интересов, нераздельных с интересами всего славянства» [9, с. 135]. Со своей стороны и Катков в 1880-х годах в «Московских ведомостях» неоднократно поднимал вопрос о преимуществах союза с Францией, исходя при этом, как и Данилевский, из соображений государственной пользы и практической целесообразности. С присущей ему настойчивостью он доказывал, что России в ее отношениях с другими странами необходимо следовать политике «полной свободы действий», не допускающей «никаких заранее заключенных обязательств или обещаний, в какой бы то ни было форме данных» [10, л. 3–10], но в целях противодействия антироссийским коалициям европейских держав все же необходимо заключить оборонительное соглашение с Францией, которое, по его мнению, позволило бы «сохранить наше достоинство, уберечь наши интересы, приобрести должную силу в Европе и подобающий России авторитет на Востоке», тогда как подобное соглашение с Германией, напротив, ослабило бы Россию и поставило бы ее «неизбежно в подчиненное положение» [11, л. 19–25].

Политический рационализм, свойственный как Данилевскому, так и Каткову, в оценке внешней политики России, как представляется, явился основной причиной участия ученого в консервативных московских изданиях в 1880-х годах. С другой стороны, на его решение публиковаться у Каткова, возможно, повлияло отсутствие других, столь же авторитетных консервативных изданий, программа и направление которых соответствовали бы его общественно-политическим взглядам. Так, к началу 1880-х годов прекратилось столь успешно начатое сотрудничество Данилевского в основанной генералом М.Г. Черняевым газете «Русский мир» и журнале А.А. Навроцкого «Русская речь»: направление «Русского мира» после смены издателя к концу 1870-х годов резко изменилось на либеральное, а «Русская речь», не приобретя успеха у публики, прекратила издаваться в 1882 году. Организованные в 1883 году по инициативе Ф.М. Достоевского «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», публиковаться в которых настойчиво приглашал Данилевского Н.Н. Страхов («Это будет лучше моей “Зари” и Вашей “Русской речи”» [28, с. 453–454]), имели сугубо научный характер и относительно ограниченную аудиторию. Участие в издаваемой с 1880 года славянофилами газете «Русь» тоже, видимо, не совсем удовлетворяло мыслителя: по свидетельству Н.Н. Страхова, это издание казалось ученому скучным и напоминало департаментские бумаги [29, с. 464]. Да и сам Страхов, добровольно взявший на себя обязанности издателя трудов Данилевского, с горечью отзывался в своих письмах к мыслителю о петербургской прессе: «Прислушиваясь к теперешним реакционным суждениям, я все больше огорчаюсь: все та же бестолковщина и тупость» [29, с. 464].

Напротив, в изданиях Каткова сотрудничали многие единомышленники Данилевского. Так, его ближайший друг – сенатор и видный государственный деятель эпохи реформ

Александра II Н.П. Семенов, с которым ученый познакомился еще во время учебы в Царскосельском лицее, с 1860-х годов был постоянным сотрудником «Русского вестника», помещая в нем статьи о крестьянской реформе и новых экономических отношениях в аграрной сфере. Сестра Семенова, Н.П. Грот также сотрудничала с Катковым: под инициалами «Н.Г.» она помещала в «Московских ведомостях» статьи по педагогическим вопросам, а ее супруг, академик Я.К. Грот, был автором фундаментальных историко-литературных изысканий в «Русском вестнике». С редакцией этого журнала был тесно связан и Ф.М. Достоевский, с которым Данилевский познакомился еще в 1840-х годах в кружке М.В. Петрашевского. Как можно предположить, окружение сыграло немалую роль в сближении ученого с авторитетными московскими изданиями: в 1881 году в «Московских ведомостях» была опубликована его статья «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”» – своего рода политический манифест мыслителя, здесь же печатались его естественнонаучные статьи, посвященные борьбе с филлоксерой – незаметными глазу насекомыми, нашествие которых угрожало уничтожить значительную часть виноградников крымского южного бережья; в «Русском вестнике» в 1882 году был помещен экономический труд «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов». Уже после смерти Данилевского в журнале Каткова были напечатаны выдержки из третьей, незавершенной части его фундаментального труда «Дарвинизм».

К сожалению, нам не удалось найти каких-либо документов, свидетельствующих о знакомстве Данилевского с Катковым, однако можно с полной уверенностью утверждать, что появление его имени в московских изданиях в 1880-х годах было далеко не случайным. При «направленческом» характере журналистики второй половины XIX века в большинстве газет и журналов, как правило, складывался круг авторов-единомышленников, взгляды которых отвечали направлению издания и соответствовали заявленной в нем общественно-политической программе. Издания Каткова, который был весьма взыскателен и избирателен в выборе авторов и сотрудников, не являлись исключением. Данилевский, несомненно, во многом разделял убеждения влиятельного московского публициста и сочувствовал его программным заявлениям в «Московских ведомостях», называя эту газету изданием, в котором «никогда не помещается не только статей, заведомо искажающих истину, но и статей, легкомысленно относящихся к серьезному делу» [6].

Свидетельством того, что многое в общественно-политической концепции «Московских ведомостей» было созвучно взглядам ученого, может служить его статья «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”», опубликованная в мае 1881 года. Сходство основных положений этой статьи, опубликованной спустя лишь несколько недель после трагической гибели императора Александра II, с передовицами самого Каткова этого же периода очевидно. Оба публициста сходились в убеждении, что введение конституции, идея которой широко обсуждалась в среде либеральной интеллигенции в связи с деятельностью министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и проводимой им либеральной внутренней политики, получившей название «диктатуры сердца», в России абсолютно неприемлемо и даже абсурдно. В самодержавной власти Катков видел единственно возможную в России форму правления, и после трагедии 1 марта с еще большей энергией и решительностью продолжал отстаивать необходимость сохранения в России неограниченной монархии в ее традиционной для страны форме, заявляя, что любое представительство есть «шаг более или менее широкий на пути ослабления власти». «Нет, конституция в России совершенно и абсолютно невозможна, – вторил Каткову Данилевский. – <...> Державность и верховенство народа, понимаемые в смысле управления внешними и внутренними делами государства на основании воли народа, есть фикция, абсурд, нелепость» [7].

По глубокому убеждению мыслителя, в России «внешнее формальное ограничение царской власти <...> немислимо и неосуществимо; оно осталось бы пустою формою, не дающею никаких других гарантий или обеспечений политических и гражданских прав, кроме тех, которые верховная власть хочет предоставить своему народу, насколько и когда этого хочет», тогда как сохранение неограниченной монархии он полагал жизненно необходимым для нашей страны, могущество которой напрямую связывал с сильной властью и строгой централизацией. Правда, в отличие от Каткова, который первоосновой самодержавного государства считал неограниченную волю государя, Данилевский видел эту основу в русском народе, которому, по его мнению, было присуще такое понятие о верховной власти, которое делает «русского государя самым полноправным, самодержавным властителем», и таким образом русское государство есть «выражение воли народа его образующего, осуществление его коренных политических воззрений». Причину нарастающей популярности радикальных теорий, которые в 1880-х годах уже невозможно было игнорировать, и Катков, и Данилевский, видели в российской интеллигенции, в ее безудержном стремлении во всем следовать Европе, брать за образец западные либеральные институты и т.п., и лучшей гарантией безопасности государства, сохранения его целостности и могущества, считали русский народ, который «всегда был силен своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью престолу, чувством своего безусловного “абсолютного” единства с Царем» [20], «всегда отличался безусловной преданностью своему законному Государю, в котором видит свою собственную, Богом дарованную ему власть, оплот и силу своего государственного бытия, свое олицетворение» [21].

Как можно предположить, влиятельные издания М.Н. Каткова, к голосу которых прислушивались не только высокопоставленные государственные сановники, но и сам император Александр III, привлекали Данилевского и тем, что давали ему возможность обратиться не только к весьма обширной аудитории, но в первую очередь к политическому истеблишменту, позволяя тем самым рассчитывать не только на широкий общественный резонанс, но и на практическую реализацию его идей. Так, в труде «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» Данилевский предлагал систему мер по ликвидации бюджетного дефицита – эта задача являлась одной из первоочередных для российской экономики 1880-х годов. Для ее реализации ученым была проанализирована зависимость денежного курса от торгового баланса государства и логично и убедительно, на основе большого количества статистической информации и фактических данных, собранных во время многочисленных поездок по разным регионам страны, доказана необходимость введения покровительственной тарифной системы как основного источника повышения государственных доходов России. «России нужно покупать как можно меньше и стараться сколько возможно заменять предметы, ввозимые из-за границы, предметами внутреннего производства, и этим путем достигать обращения торгового и вообще расчетного баланса на свою выгоду, а никак не стремиться усилить вывоз до сравнения его со ввозом», – убежденно писал Данилевский, подчеркивая, что «изо всех обширных государств Россия имеет наименее благоприятные условия для ведения обширной внешней торговли, ибо не имеет никакого специального продукта вывоза, а по отношению к сырым продуктам соперничающие с ней страны имеют пред ней естественные преимущества по климату, почве, удобствам сбыта» [8, с. 520]. В публикации подробно анализировались меры, способствующие сокращению вывоза металлических денег за границу, в частности, предлагалось сократить правительственные заграничные заказы и даже наложить значительные пошлины на заграничные паспорта, чтобы таким путем убедить россиян отказаться от продолжительных зарубежных поездок. С большим воодушевлением ученый высказался против монополизации железных дорог и

поддержал пропагандируемую в этот период в «Московских ведомостях» идею их выкупа правительством, подчеркнув, что только таким образом они могут «оказать все свое благодетельное влияние на общественное благосостояние» [8, с. 532].

Работа Данилевского, без сомнений, была с одобрением и сочувствием встречена в редакции катковских изданий, которые с конца 1870-х годов энергично выступали в защиту курса на развитие отечественного производства. В них последовательно проводилась мысль, что России необходимо ориентироваться на национальное производство, стремиться к созданию собственной обрабатывающей промышленности, вводить покровительственные пошлины на иностранную продукцию. В передовых статьях «Московских ведомостей» велась пропаганда протекционистской политики и ожесточенно критиковались действия министра финансов Н.Х. Бунге, сторонника либеральной экономической доктрины и «свободного рынка», подчеркивалось, что вывоза дешевое сырье и полуобработанные материалы и ввоза их назад, но уже в обработанном виде и по гораздо более высоким ценам, наше государство таким образом оплачивает труд иностранных рабочих и тем самым обедняет собственное работающее население, лишая его «значительной заработной платы за обработку этих продуктов и тем сокращая денежные средства народа» [23].

Публикация Данилевского в «Русском вестнике» стала одним из наиболее весомых и аргументированных выступлений отечественной печати в защиту покровительственных мер в экономике, а многие из предложенных ученым мер по ликвидации бюджетного дефицита легли в основу финансовой политики России в 1890-х годах. Это отнюдь не было случайностью. Статья произвела сильное впечатление на предпринимателя и финансиста И.А. Вышнеградского, многолетнего корреспондента Каткова и постоянного автора статей по финансовым вопросам. Он даже «не прочёл, а изучил» [30, с. 126] ее по совету своего школьного товарища Н.Н. Страхова, и, как видно, строгая и четкая аргументация ученого, наглядность и весомость его доказательств произвели на него сильное впечатление: в письме Страхову Вышнеградский признался, что «в первый раз нашел совершенно ясное доказательство покровительственной системы» [30, с. 126]. В январе 1887 года И.А. Вышнеградский сменил на посту министра финансов Н.Х. Бунге, причем его назначению в немалой степени способствовал Катков (в околоправительственных кругах Вышнеградского прямо называли креатурой редактора-издателя «Московских ведомостей»). За несколько лет пребывания в этой должности (с января 1887 по апрель 1893 года) он во многом реализовал основные предложения, изложенные в публикациях Данилевского и Каткова, в частности усилил протекционизм в отношении отечественной промышленности и принял меры по ликвидации бюджетного дефицита.

Последняя публикация Данилевского на страницах изданий Каткова состоялась уже после смерти ученого: в пятом и шестом номерах «Русского вестника» за 1887 год были напечатаны выдержки из третьей, неоконченной части его фундаментального труда «Дарвинизм» – «Экспрессия, или выражение чувств у человека и животных», споры вокруг которого стали одним из самых ярких и интересных эпизодов «дарвиновской темы» на страницах отечественной периодической печати [13, 26]. Две первые части труда, в котором ученый на основе собственных естественнонаучных наблюдений над флорой и фауной и накопленного в течение всей жизни огромного эмпирического материала подверг критическому переосмыслению основные положения теории Ч. Дарвина о происхождении видов путем естественного отбора и доказывал, что борьба за существование не играет главной роли в эволюции растений и общества, вышли отдельным изданием в 1885 году, а третья, к сожалению, осталась незавершенной и не вошла в издание.

Что привлекло внимание Каткова – издателя и редактора, к неоконченному труду Данилевского? Можно предположить, что его интерес был обусловлен не столько естественнонаучной значимостью последней работы мыслителя, сколько полемикой с демо-

кратической прессой, принимавшей год от года все более ожесточенный характер. Для представителей демократического лагеря – публицистов журналов «Дело» и «Отечественные записки», которые видели в естественных науках основу рационального преобразования общества и, придавая учению Дарвина универсальный характер, нередко переносили принципы борьбы за существование и естественного отбора на законы человеческого общества, дарвинизм стал основой для формирования новых мировоззренческих и идеологических установок и воспринимался как краеугольный камень революционной идеологии. В ответ на вульгарное, упрощенное истолкование основных положений дарвиновской теории авторы «Русского вестника» – А.П. Лебедев, И.Ф. Цион и др. пытались показать ущербность, односторонность увлечения исключительно естественными науками, недопустимость рассмотрения естественнонаучных выводов применительно к социальной жизни. Строго научный подход Данилевского, при котором открытия английского естествоиспытателя рассматривались не только как гипотеза в области естествознания, но и как философская теория, логичность и последовательность приводимых ученым доказательств делали его труд весомым аргументом консерваторов в борьбе с революционными демократами и их сторонниками.

Усилению полемического характера публикации Данилевского способствовала предпосланная ей статья Н.Н. Страхова, опубликованная в первой книге «Русского вестника» за 1887 год и весьма вызывающе и даже сенсационно озаглавленная «Полное опровержение дарвинизма». Горячий поклонник и последователь мыслителя, труд которого он оценивал как «истинный подвиг русского ума и русского чувства», «честь русской ученой литературы» [31, с. 62], Страхов запальчиво заявил, что тем, «кто не читал книги Н.Я. Данилевского, тому теперь решительно нельзя давать права говорить о знаменитой теории; а кто читал и вник в дело, тот с изумлением увидит, что писания ее сторонников, начиная с самого основателя Дарвина и кончая последними продолжателями, представляют такие прорехи и недосмотры, что явным образом расходятся по всем швам» [31, с. 58].

Он без обиняков обвинил последователей английского естествоиспытателя в превращении его гипотезы в одно из «характернейших и распространеннейших заблуждений нашего века» и потребовал отказаться от дарвиновской теории «без всякого остатка», потому что «вопрос, ею разрешаемый, требует совершенно других исходных точек и других приемов» [31, с. 58]. Пламенный публицист и блестящий полемист, Страхов не забыл о естественнонаучных доводах и подробно остановился на палеонтологических, биогеографических и биостатистических изысканиях Данилевского, сопроводив их ссылками на труды таких крупных ученых-естественников, как К.Э. Бэр, Л. Агассис, А. Мильн-Эдвардс, А.Т. Броньяр, М.-Ж. Флуранс, Ж.-Л. Катрфаж и др., также доказывающих несостоятельность теории Дарвина.

Восторженный отзыв Страхова о книге Данилевского, пафос которого был направлен против тех, кто стремится приспособить дарвиновские идеи к политической «злобе дня», вызвал многочисленные возражения со стороны авторитетных сторонников учения Дарвина и спровоцировал оживленную журнальную полемику. Ответом на это выступление стала статья К.А. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?» в журнале «Русская мысль» [32], в дальнейшем к полемике присоединились философы Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов, академики А.С. Фаминцын, А.П. Карпинский... Дискуссия вышла далеко за рамки обсуждения сугубо естественнонаучных проблем и приобрела общеполитический, мировоззренческий характер.

Так, В.В. Розанов, не будучи специалистом в области естественных наук, в опубликованной в «Русском вестнике» статье «Вопрос о происхождении организмов» рассмотрел теорию Дарвина с философской точки зрения, поставив под сомнение общетеоретические положения дарвинизма. «Высокий интерес, который связан с теорией Дарвина и ее кри-

тикой, – отмечал Розанов, – обусловлен тем, что она явилась косвенным разрешением вопроса, в течение длительного ряда веков тревожившего человеческое сознание, вопроса о причинности и целесообразности» [24]. Данная дискуссия способствовала выработке культуры научной и философской полемики, формированию критического мировосприятия, но в то же время споры вокруг учения Дарвина и дарвинизма все больше приобретали политический характер: защита дарвиновских идей воспринималась едва ли не как часть политической борьбы с правительством, тогда как критика дарвинизма приобретала оттенок «ретроградства» и обскурантизма. Фундаментальный труд Данилевского был надолго исключен из предметной области естественных наук как «несостоятельный», а журнал Каткова, однозначно вставший на сторону мыслителя, стал предметом осуждения и порицания со стороны либерально настроенной научной общественности. Стоит, однако, отметить, что в XX веке антидарвинистская теория имеет сторонников в лице Л.С. Берга, А.А. Любищева, С.В. Мейена, а предпринятый в последние годы современными учеными-эволюционистами анализ трудов Данилевского [15, с. 35–36] подтвердил правоту многих сделанных им выводов и привел к убеждению в его актуальности в контексте концепции множественности устойчивых состояний сложных природных и социальных систем.

Подводя итоги, можно отметить, что несмотря на разницу воззрений Данилевского и Каткова сближало общее для обоих публицистов стремление к противодействию усиливающимся в обществе радикальным настроениям, понимание пагубности бездумной и неоправданной замены отечественного социально-политического опыта зарубежными аналогами, а также желание поддержать традиционные ценности нации и государства, убедить общество сохранить связь с культурой и историей предшествующих поколений. Их консерватизм во многом может быть отождествлен с первоначальным значением латинского “conservare” – «сохранять», «сберечь». Если воспользоваться определением философа Н.А. Бердяева, Данилевского и Каткова объединяло стремление препятствовать «движению назад и вниз, к хаотической тьме, к возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур» [5, с. 97], в их взглядах нашла отражение «здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть длящейся», а заложенное в их публицистических выступлениях консервативное начало было само по себе не противоположно развитию, но лишь требовало, «чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [5, с. 100].

Литература

1. *Дубина В.С.* Русский консерватизм и Н.Я. Данилевский: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
2. *Бартенев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
3. *Безобразов В.П.* Война и революция: Очерки нашего времени // Русский вестник. 1872. № 9.
4. *Белинский В.Г.* Письмо В.П. Боткину. 4 октября 1840 г. / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 11. М., 1956.
5. *Бердяев Н.А.* О консерватизме / Н.А. Бердяев // Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923.
6. *Данилевский Н.* Ответ на корреспонденцию «Из Крыма» в № 50 «Московских ведомостей» // Московские ведомости. 1881. 14 апреля. № 102.
7. *Данилевский Н.* Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы» // Московские ведомости. 1881. 20 мая. № 138.
8. *Данилевский Н.Я.* Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов // Русский вестник. 1882. № 8.
9. *Данилевский Н.Я.* Россия и франко-германская война // Горе победителям. М., 1998. С. 135.
10. *Катков М.Н.* Письмо Александру III. 1887. Январь. Санкт-Петербург // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 48.
11. *Катков М.Н.* Письмо Александру III. 1887. Март. Санкт-Петербург // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 45.
12. Константинов Н. [Леонтьев К.Н.] Панславизм и греки // Русский вестник. 1873. Кн. 2.

13. *Кругликова О.С.* Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5.
14. *Любимов Н.А.* Михаил Никифорович Катков: По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
15. *Назаров В.И.* Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: ЛКИ, 2007.
16. *П.Ш. [Щебальский П.К.]* Литературные заметки // Русский вестник. 1869. № 5.
17. Передовая статья // Московские ведомости. 1867. 14 мая. № 105.
18. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 17 февраля. № 46.
19. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 28 июня. № 164.
20. Передовая статья // Московские ведомости. 1881. 1 мая. № 119.
21. Передовая статья // Московские ведомости. 1881. 20 мая. № 138.
22. Передовая статья // Московские ведомости. 1884. 12 января. № 12.
23. Передовая статья // Московские ведомости. 1886. 10 января. № 10.
24. *Розанов В.В.* Вопрос о происхождении организмов // Русский вестник. 1889. Кн. 5.
25. *Розанов В.В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
26. *Снетова Н.В.* Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. 2017. Вып. 1.
27. *Страхов Н.Н.* «Русский вестник» о статье «Россия и Европа» // Заря. 1869. № 7.
28. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 7 февраля 1882 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 2.
29. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 21 марта 1883 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 2.
30. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 29 ноября 1883 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 3.
31. *Страхов Н.Н.* Полное разоблачение дарвинизма // Русский вестник. 1887. Кн. 1.
32. *Тимирязев К.А.* Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. Кн. 5.
33. *Феоктистов Е.М.* Россия и Сербия перед последней восточной войной // Русский вестник. 1869. Кн. 11.
34. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 38.
35. *Чайковский Ю.В.* Активный связный мир: Опыт теории эволюции жизни. М.: Т-во научных издательств КМК, 2008.
36. *Шадрин Н.В.* Критика дарвинизма Н.Я. Данилевским: современный взгляд // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма. Симферополь, 2015.
37. *Щебальский П.К.* Прежний и нынешний панславизм // Русский вестник. 1867. Кн. 4.
38. *Щебальский П.К.* Глава из современной истории // Русский вестник. 1870. Кн. 9.

Аннотация. В статье анализируется участие Н.Я. Данилевского в изданиях авторитетного консервативного публициста 1860–1880-х годов М.Н. Каткова – журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости». Выявляются причины, сблизившие мыслителя с редакцией влиятельных консервативных изданий, анализируется общность позиций Данилевского и Каткова по ряду важнейших вопросов внутренней и внешней политики России. Особое внимание уделяется «славянскому вопросу», в решении которого между Данилевским и литераторами круга Каткова имелась существенная разница, не помешавшая, однако, сотрудничеству ученого в указанных изданиях в 1880-х годах. Сделана попытка определить место опубликованных уже после смерти Данилевского в «Русском вестнике» выдержек из третьей, неоконченной части его труда «Дарвинизм» в полемике вокруг учения Ч. Дарвина между изданиями Каткова и либерально-демократической печатью 1880-х годов.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, М.Н. Катков, «Русский вестник», «Московские ведомости», консерватизм, «славянский вопрос», протекционизм, дарвинизм.

Elena V. Perevalova, PhD in Philology, Associate Professor, Head, Journalism and Mass Communications Department, M.F. Nenashev Moscow Polytechnic University. E-mail: helenpv@yandex.ru

N.Ya. Danilevsky's Participation in M.N. Katkov's Periodicals in 1880s

Abstract. The article analyzes the participation of N.Ya. Danilevsky in the periodicals of the authoritative conservative publicist of the 1860–1880s M.N. Katkov – “Russian Vestnik” magazine and “Moscow Vedomosti” journal. The author identifies the reasons that brought together the thinker and the editors of influential conservative periodicals and analyzes the common views of Danilevsky and Katkov on a number of important issues of Russian domestic and foreign policy. Special attention is paid to the “Slavic question”, which was differently interpreted by Danilevsky and the writers of the Katkov’s circle, however that did not prevent the thinker to participate in those periodicals in the 1880s. The author of the article attempts to determine the role of the fragments of the third, unfinished part of Danilevsky’s work “Darwinism” published after his death in the «Russian Vestnik», in the polemics over the teachings of Charles Darwin that went on in Katkov’s periodicals and the liberal democratic press in the 1880s.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, M.N. Katkov, “Russian Vestnik”, “Moscow Vedomosti”, Conservatism, “Slavic Question”, Protectionism, Darwinism.